

Социальные установки населения малых городов России: динамика изменений в 1999 – 2002

Период кризисного развития российского общества в 90-е годы сопровождался не только хорошо известными негативными социально-экономическими процессами, развалом политической структуры. Он вызвал также быстрые и радикальные изменения в мировоззрении и социальных установках населения. Многие из этих процессов зафиксированы.¹ В конце 1990-х и начале 2000-х годов изменения явились отражением внутривнутриполитических процессов, связанных со сменой политических лидеров страны в 2000 году.² Общественные установки населения оказались на удивление лабильными, подверженными быстрым («конъюнктурным») колебаниям.

В данной статье нас занимает вопрос, в каком направлении и в какой степени изменились социально-экономические и социально-политические установки (установки) населения провинциальной России в период между пиком кризиса (каковым, несомненно, следует считать 1999 год) и началом стабилизации (2001 год – начало 2002).

Материал и методы исследования

В 1999 – начале 2002 гг. в рамках продолжающейся с 1992 г. моей инициативной программы изучения социальных процессов в провинциальной России были проведены два масштабных исследования населения малых городов. Целью их было зафиксировать динамику кризисного процесса в фазе его перелома (в точке бифуркации) – при переходе от деструктивной к конструктивной стадии развития. Исследовательская программа в обоих случаях предусматривала решение четырёх взаимосвязанных задач (в 1999 г. приоритетными были первая и четвертая задачи, а в 2001 г. более важными стали вторая и третья):

1. выявление новых форм экономического поведения домохозяйств (моделей жизнеобеспечения) в локальных сельских и городских сообществах, появление и распространение которых обусловил системный кризис российского общества и хаотические социально-экономические процессы в течение последнего десятилетия;

---

¹ См., напр., Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. Динамика ценностей населения России. – М., 1996.; Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после (Аналитические доклады РНИСиНП). – М., 1998; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М., 1999; Плюснин Ю.М. Малые города России. – М., 2000; Кордонский С. Кристалл и кисель. – М., 2002.

² Прямое признание этого сделано в Послании Президента Российской Федерации 2003 г.

2. фиксация происходящих в этот же период изменений в мировоззрении простых людей (социальных отношений, аттитюдов и ценностей, новых элементов идеологии);
3. социально-психологическая характеристика населения (психоэмоциональный статус, трудовые и личные перспективы индивида, качество межличностных отношений в общине, её сплоченность);
4. оценка уровня скрытых (латентных) форм напряженности в обществе, развитие которых сопровождается как изменения в структуре экономического поведения людей, так и процессы социальной дезадаптации, эмоционального напряжения людей и трансформацию их мировоззрения.

В 1999 году в период с начала июня по ноябрь я организовал и провел всероссийское исследование населения «провинциальной» России – жителей сёл и малых городов. Для сбора полевого материала были организованы 13 экспедиций в 12 регионах России пяти федеральных округов (Карелия, Хакасия, Алтайский и Красноярский края, Архангельская, Мурманская, Псковская, Тверская, Костромская, Новосибирская, Томская и Иркутская области), а также в Витебской области Белоруссии. Опрос проведён в 84 населенных пунктах, в том числе в 31 городе (в 26 полный опрос, в 5 - только интервью с экспертами) с численностью населения от 4700 до 160 000 человек (только в трёх городах, где проведён опрос, число жителей превышает 50 000 человек, т.е. они по формальной классификации не относятся к малым городам).

Всего в опросе приняли участие 1922 человека, заполненные анкеты получены от 1718 респондентов (в том числе 425 человек выступили в качестве экспертов и заполнили соответствующие анкеты экспертов). Объем городской выборки по массовому анкетному опросу составил 1001 человек. Респонденты по основным популяционно-биологическим и социальным признакам репрезентативны населению малых городов России. Расчётная надёжность выборки по качественным признакам составила 97%.

Исследование 2001-2002 года было направлено на изучение уже только населения малых городов и осуществлялось в период с начала июня 2001 по конец января 2002. Для сбора полевого материала были организованы 11 отдельных экспедиций в 15 регионах пяти федеральных округов (Карелия, Татарстан, Алтайский, Красноярский края, Калужская, Кемеровская, Мурманская, Омская, Рязанская, Псковская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Челябинская, Ярославская области). Опросы проведены в 19 малых городах. В методическом плане акцент был сделан на интервью с людьми, которые могли выступать в качестве экспертов различных аспектов местной жизни. Интервью и наблюдения сопровождалось выборочным анкетным опросом населения. Всего опрошено около 1100 человек, в том числе с более чем 400

респондентами проведено интервью и 663 респондента дали ответы на вопросы массовой анкеты. Расчётная надёжность выборки по качественным признакам составила около 80%.

Оба исследования проводились по единой методологии и применялась одна анкета для массового опроса населения.³ В данной статье представлены результаты только массовых опросов населения малых городов, относящиеся к оценке их социально-политических и социально-экономических аттитюдов. Оценки основаны на анализе структуры распределений формализованных ответов на несколько вопросов, с помощью которых фиксировались полярные социальные установки (приведены ниже). В отношении социально-экономических установок это ось "рыночные экономические установки" – "централизованные (регулируемые государством) экономические установки". В отношении социально-политических установок это ось "ориентация на активность народа" – "ориентация на сильную центральную власть". Оценки в обоих случаях строились на сумме из 6 индикаторов, шкалированных в интервале от 0 до 5 баллов (минимум-максимум). Данные обработаны в среде SPSS. Для типологизации социальных установок применён метод иерархического кластерного анализа; выводы обоснованы статистически путём применения рутинных критериев (где необходимо – непараметрических).

Респонденты отвечали на 12 вопросов под общим заголовком *«Что из ниже перечисленного могло бы или будет способствовать улучшению положения дел в стране? (Отметьте цифру: 0 – никакого значения не имеет; 1 --- имеет минимальное значение; 2 – небольшое значение; 3 – в среднем может иметь значение; 4 - высокое значение и 5 — максимально повлияет на улучшение дел в стране)»*. Социально-экономические установки фиксировались по суммарному распределению ответов на шесть следующих вопросов: 1) *установление государственного контроля над ценами*; 2) *стабилизация потребительских цен и зарплаты*; 3) *полная свобода частного предпринимательства*; 4) *усиление государственного контроля над частным бизнесом*; 5) *привлечение в страну иностранного капитала*; б) *ограничение ввоза иностранных товаров*. Социально-политические установки фиксировались по суммарному распределению ответов на шесть других вопросов: 1) *проведение митингов и демонстраций*; 2) *временный запрет на забастовки*; 3) *массовые выступления населения в защиту своих прав*; 4) *жесткий контроль над деятельностью правительства*; 5) *временный запрет на деятельность политических партий*; б) *усиление власти президента*.

---

³ Описание см.: Плюснин Ю.М. Малые города России. – М., 2000. – С. 6-21.

Результаты

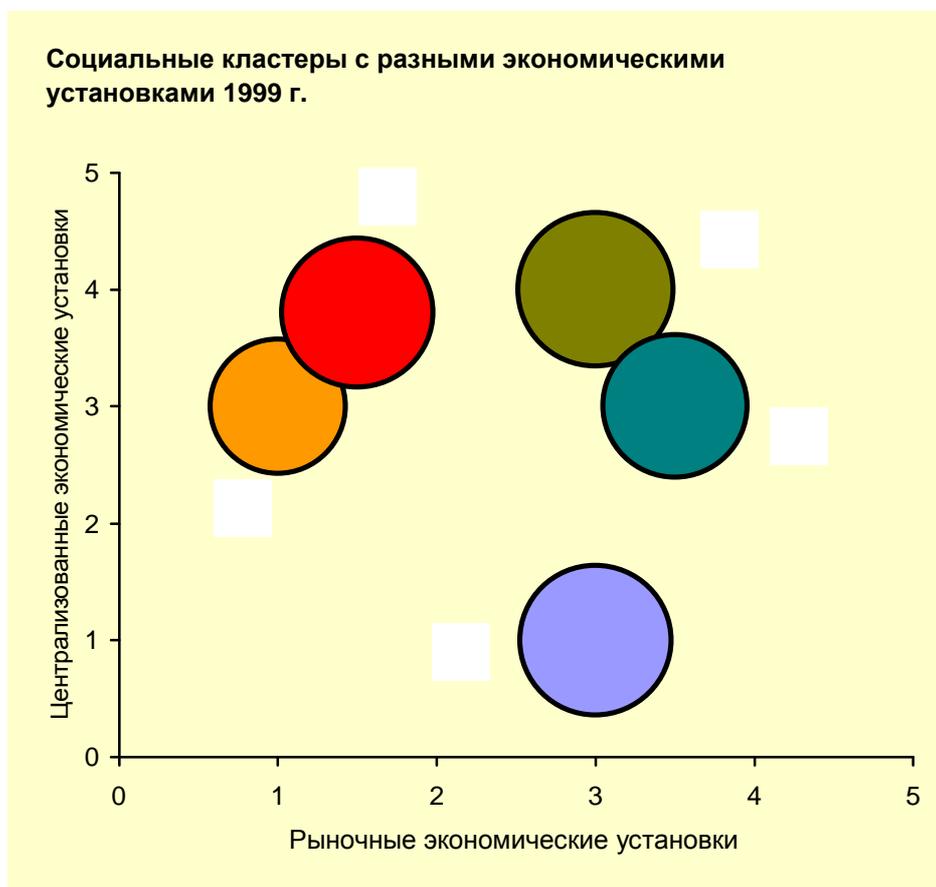
Социально-экономические установки

В критический год кризиса – 1999 – распределение провинциального населения по экономическим установкам приобрело дизруптивный характер. С помощью иерархического кластерного анализа были выделены пять групп респондентов, существенно различающихся по своим экономическим установкам. В системе полярных шкал «рыночные – государственно-регулируемые установки» им соответствуют пять типов установок. На рис. 1а кластеры представлены кругами, площади которых пропорциональны доле индивидов, разделяющих данную установку, а взаимное расположение кругов обусловлено степенью выраженности альтернативных позиций; координаты их центров являются средними значениями каждого кластера по шкале «рыночных установок» и по шкале «государственных установок». На дополнительном к нему рис. 1б представлена дендрограмма взаимных отношений между кластерами (евклидовы расстояния между центрами кластеров). Как хорошо видно, пять кластеров могут быть сгруппированы в три (1-й, 2-й и 3-й, 4-й и 5-й), а на ещё более высоком уровне обобщения – всего в два, из которых первый остаётся по-прежнему изолированным, а остальные четыре объединяются в один большой, охватывающий до 4/5 всей выборки респондентов.

Кластер № 1 – это группа респондентов-«рыночников» (их доля составила 21% выборочной совокупности) с ярко выраженными рыночными установками: они за полную свободу предпринимательства, широкое привлечение в экономику иностранного капитала, свободное ценообразование, снижение контроля и сокращение всех форм государственной регуляции экономической деятельности.

Два следующих кластера – № 2 (17% выборки) и № 3 (21% выборки) составили респонденты, полярные по своим экономическим установкам представителям кластера № 1. Они выступают за тотальный государственный контроль экономики, включая регулирование внешних экономических отношений и за практически полное ограничение свободы предпринимательства. Они отвергают рыночные экономические установки.

Два последних кластера – № 4 (22% выборки) и № 5 (19% выборки) представлены респондентами, в равной мере разделяющими и те, и другие установки. Их можно было бы назвать «экономическими максималистами», считающими, что для оздоровления экономики страны необходимо как развитие рыночных механизмов, так и усиление государственного регулирования. Однако, представляется, что скорее всего это люди, не имеющие никаких сколь либо чётких установок, едва ли задумывающиеся над такими вопросами.

Дендрограмма отношений кластеров

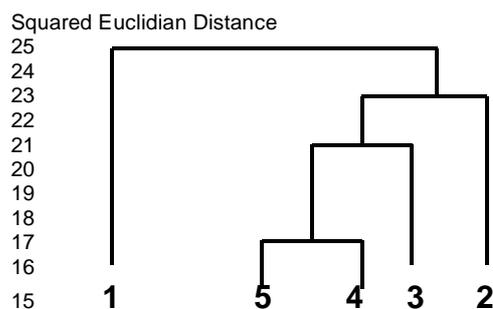
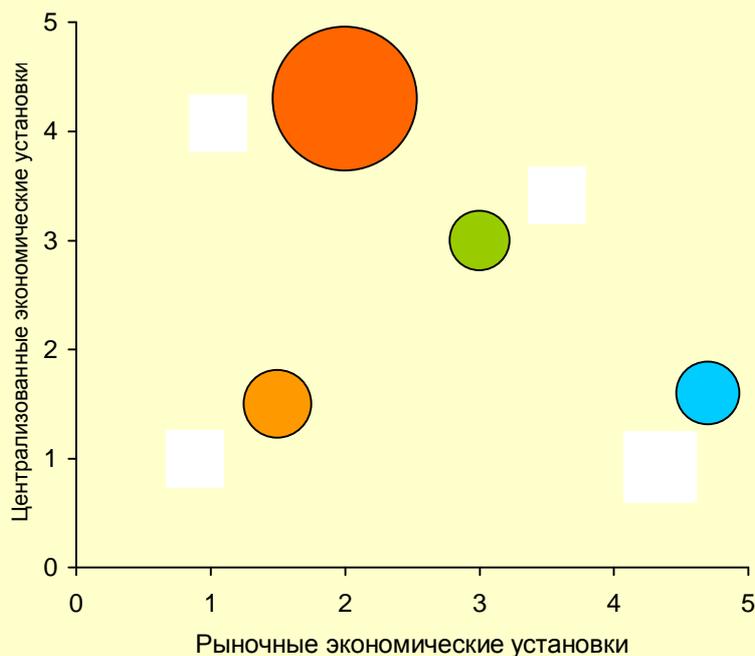

Рис. 1. А). На рисунке показано взаимное расположение пяти кластеров респондентов с разными социально-экономическими установками в малых городах России в 1999 году. Система координат "рыночные экономические установки" (по оси абсцисс) и "централизованные (регулируемые государством) экономические установки" (по оси ординат) построена на основе 6 индикаторов, шкалированных в интервале 0-5. Площади кругов соответствуют относительной (процентной) численности групп, а координаты их центров – это усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале.

Б). На дендрограмме представлено взаимное расположение и евклидово расстояние выделенных на основе иерархического кластерного анализа пяти кластеров респондентов с разными социально-экономическими установками.

Социальные кластеры с разными экономическими установками, 2001-2002 гг.

Дендрограмма отношений кластеров

Квадрат Евклидова расстояния

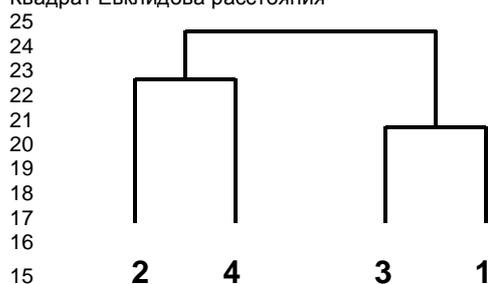

Рис. 2. А). На диаграмме показано взаимное расположение четырёх кластеров индивидов с разными социально-экономическими установками в малых городах России в 2001-2002 годах. Обозначения те же, что на рис. 1.

Б). На схеме представлена дендрограмма взаимных евклидовых расстояний между четырьмя кластерами. Кластеры образуют две сильно удалённые группы («большие» кластеры), основаниями дифференциации которых выступают, в первую очередь, различия в отношении к роли государственного регулирования экономики для её развития (кластеры 1 и 3 более близки между собой, чем кластеры 2 и 4). На шкале указаны значения квадратов евклидовых расстояний.

Радикально иная картина стала наблюдаться уже через два с половиной года, когда начался процесс стабилизации и экономического роста. В системе тех же полярных координат население малых городов демонстрирует существенно иные, чем прежде, установки (рис. 2а и 2б, обозначения те же, что и на рис. 1). Теперь выделяются четыре неравных по относительной численности кластера; евклидовы расстояния между всеми ними велики. Как видно из дендрограммы 2а, четыре кластера могут быть объединены в два больших кластера по два в каждом. Расстояние между этими двумя большими (сдвоенными) кластерами обусловлены различием в установке на значительное (кластеры № 2 и № 4) или на незначительное (кластеры № 1 и № 3) участие государства в экономической жизни общества.

Но различия более существенны между каждым из кластеров. Кластер № 1 – группа респондентов-«рыночников» с ярко выраженными рыночными установками (за полную свободу предпринимательства, привлечение в экономику иностранного капитала, свободное ценообразование, снижение контроля и сокращение всех форм государственной регуляции экономической деятельности). В 2001-02 гг. относительная доля «рыночников» сократилась почти вдвое по сравнению с 1999 – до 12%. Но при этом группа приобрела более радикальные установки (средние значения по шкале «рыночные установки» близки к максимальному).

Кластер № 2 – группа респондентов, почти полярная по экономическим установкам кластеру № 1. Её составили респонденты, выступающие за тотальный государственный контроль экономики, включая регулирование внешних экономических отношений и ограничение свободы предпринимательства. Теперь это наибольшая по относительной численности группа – 63%. Можно думать, что «социалистические» экономические установки стали в большей степени восприняты людьми, до того, не имевших чётких позиций. И немалая часть представителей кластеров 4 и 5 (рис. 1а) переместилась в кластер 2 (рис. 2а).

В то же время, в провинциальном обществе появилась группа респондентов с ранее не зафиксированными социально-экономическими установками: выделяемый кластер № 3 (14% выборки) представлен «экономическими пессимистами», людьми, которые не считают, что для оздоровления экономики страны необходимо развитие рыночных механизмов или усиление государственного регулирования. В целом они полагают, что никакие меры не будут способствовать оздоровлению экономики. С некоторой долей уверенности можно предположить, что эта группа сформирована частично из представителей кластера «рыночников» и «максималистов».

Последний из четырёх кластеров (№ 4, 11% выборки) – остатки «экономических максималистов», сдвинувшихся в своих позициях ближе к «центру».

Таким образом, за неполных три года произошли вполне зримые, главное – содержательные изменения в экономических установках провинциального населения, Они, во-первых, стали более однородными. Во-вторых, стали вновь ориентированными на экономическое развитие, регулируемое нерыночными механизмами.

Социально-политические установки

Ещё более радикальные трансформации были отмечены в политических установках провинциального населения страны. К 1999 г. процессы диссоциации политических установок приобрели весьма выразительный характер, что было прямо связано с высоким уровнем латентной социальной напряжённости.⁴ Местное общество разделилось в своих политических предпочтениях на пять неравных групп (см. рис.3). Если представители трёх из пяти групп были единодушны в отказе народу в политической деятельности, ожидая от этого больше бед, чем пользы и расходились в оценках степени усиления центральной власти, то две другие группы демонстрировали полярные политические установки.

На рис. 3 видно, что кластеры № 1, № 2 и № 3 образуют достаточно однородный «большой» кластер. Это люди, имеющие установки на сильную центральную власть. Полярный им кластер № 4 объединяет людей, имеющих установки исключительно на политическую активность народных масс.

В первом кластере объединены 32% респондентов. Они ориентированы на сильную президентскую власть, а также на усиление всех ветвей государственной власти. Их особенность, в отличие от двух других компонентов «большого» кластера, в том, что эти люди не принимают в качестве значимых мер по укреплению политической структуры общества ни самодеятельность населения и идущую снизу активность, ни репрессивные меры, направленные сверху.

Второй кластер объединяет людей (27% выборки), чьи политические ориентации сугубо государственные: достаточно сильная (но умеренно) исполнительная и законодательная власть обеспечит политическую стабильность в стране. Политическая активность народных масс не играет никакой роли, она должна быть элиминирована.

Третий кластер (12% выборки) представлен респондентами, которые связывают все позитивные политические изменения в стране только с расширением запретительных и репрессивных функций центральной власти, вовсе отказывая народной активности быть фактором стабилизации общества.

Полярный этим трём четвёртый кластер составлен респондентами, которых можно было бы классифицировать как «анархисты».

---

⁴ Плюснин Ю.М. Скрытая социальная напряжённость в Новосибирске. 1999 год. – Новосибирск, 1999. – 54 с.; Плюснин Ю.М. Малые города России. – М., 2001. – С. 85-94.

Их установки ориентированы почти исключительно на самостоятельность населения и народную активность; роли центральной власти они придают минимальное значение. Можно думать, что кластер людей с такими «анархистскими» установками (14% выборки) сформировался как реакция на глубокий политический кризис в стране, особенно после 1996 года. С точки зрения социальной стабильности столь высокая доля в обществе людей, уповающих на стихию массовых выступлений как способ решения проблем и обеспечения «светлого будущего» представляется крайне опасной.

Пятый кластер (14% выборки) образован людьми, либо вовсе не определившимися в своих политических установках, либо полагающих, что надо испробовать любые меры для нормализации политической ситуации в стране. Сюда скорее всего входят люди, не имеющие отчётливой политической ориентации. Однако, при сильном желании в этой группе можно увидеть потенциал демократических преобразований: такие установки могут быть свойственны людям, считающим, что любая активная позиция есть благо.

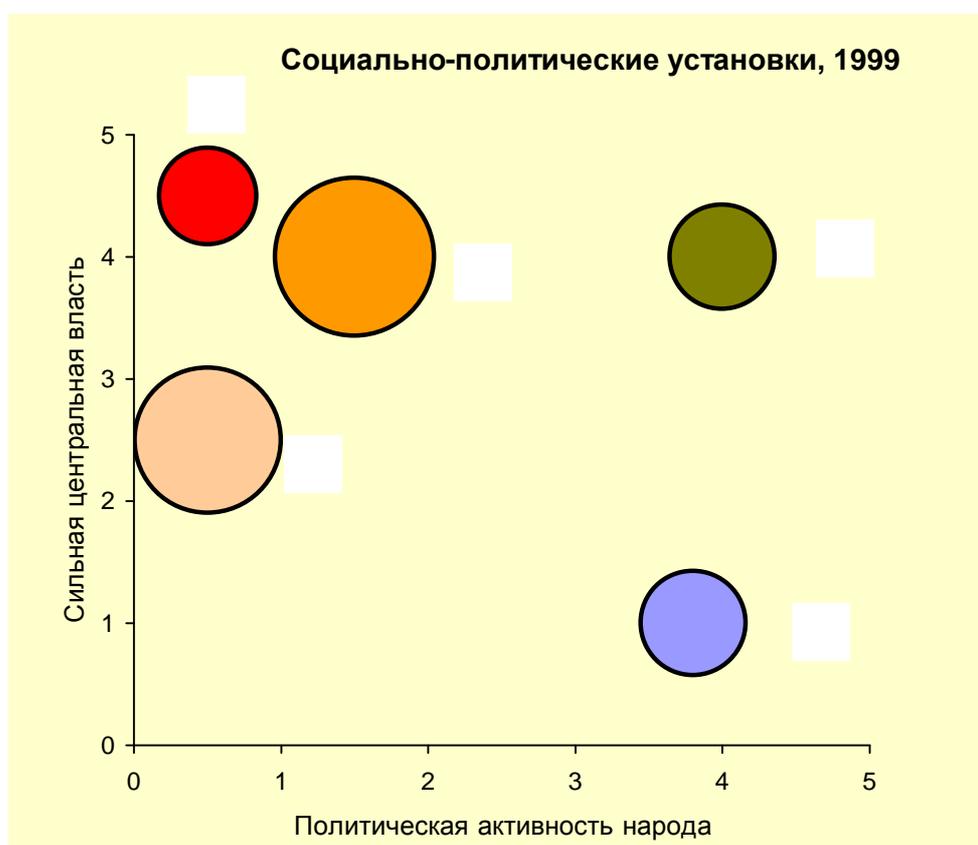

Рис. 3. Социально-политические установки населения малых городов России в 1999 г. Взаимное расположение пяти кластеров респондентов в системе координат "ориентация на активность народа" (ось абсцисс) и "ориентация на сильную центральную власть" (ось ординат). Площадь кружков соответствует относительной величине кластеров, координаты их центров - усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале (ранги в интервале от 0 до 5).

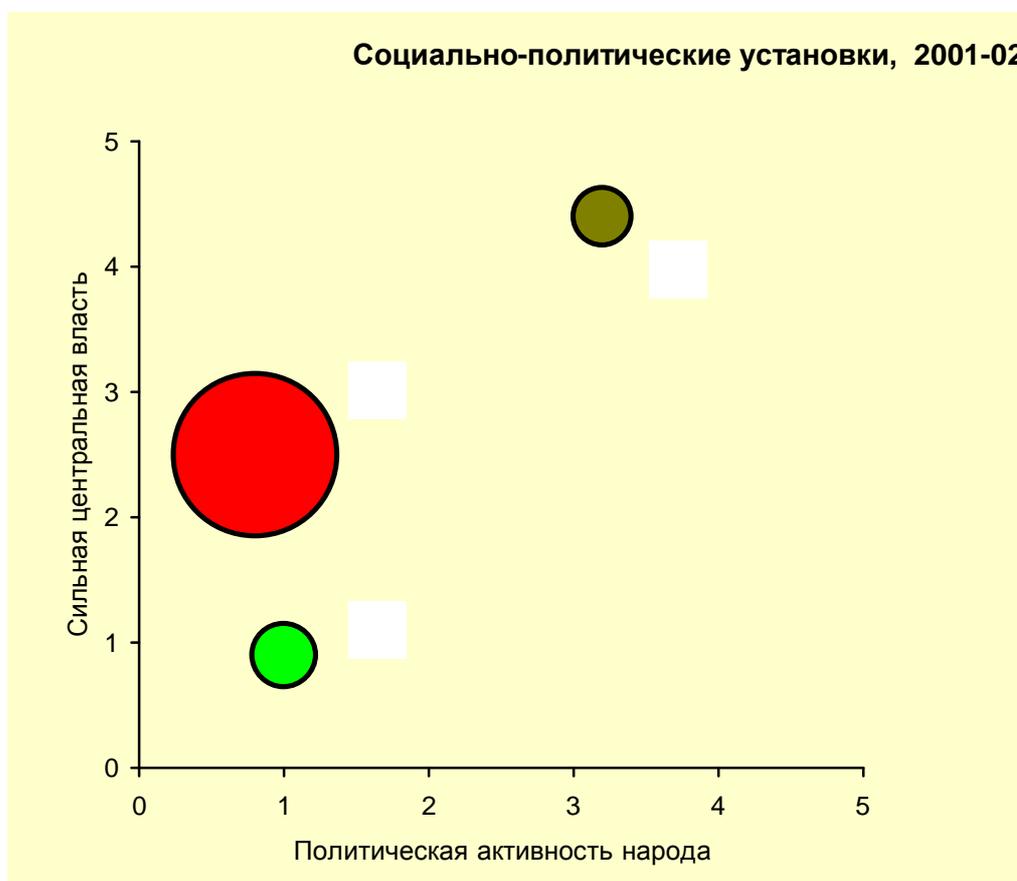

Рис. 4. Социально-политические установки населения малых городов России в 2001-2002.

К 2001-02 гг. ситуация достаточно быстро изменилась. Как видно из рис. 4, политические установки провинциального общества распределяются по трём, хотя и удалённым, но не столь полярным кластерам. Распределение политических установок оказалось более единообразным, чем за 2 1/2 года до этого. Иерархический кластерный анализ показал высокую агломерацию признаков в одном очень большом кластере (78%). Хотя этот кластер и распадается на 4-6 более мелких, но евклидово расстояние между ними существенно меньше, чем между самим этим кластером и двумя другими, в которых объединены только по 10% и 12% респондентов.

В большом кластере № 1 объединены респонденты, ориентированные на сильную президентскую власть, повышение ответственности исполнительной власти, но, в то же время, не считающие, что для общественной стабильности необходимы репрессивные действия властей. Эти люди почти вовсе не принимают самодеятельность населения и политическую активность, идущую снизу. По своим политическим установкам кластер соответствует выделенному в 1999 кластеру № 2, но его численность увеличилась за 2-3 года более чем в 2,5 раза.

Кластер № 2 расположен относительно близко к первому, но он представляет политические установки респондентов, которые не были

выявлены в 1999 году. Респонденты, составляющие данную группу, придерживаются в целом пессимистических взглядов на какие-либо политические меры, способные сейчас улучшить положение в обществе. Такой социально-политический пессимизм разделяют лишь около 12% провинциального населения. В некотором смысле подобная позиция может свидетельствовать об апатии или напротив, успокоенности части населения. Отметим, что группа невелика.

Третий кластер (10% выборки) максимально удалён и представлен респондентами, которые связывают позитивные политические изменения в стране как с радикальными запретительными и репрессивными мерами центральной власти, так и с выразительными формами массовой активности, прежде всего в виде массовых протестных акций населения. Кластер вполне совпадает по признакам и представительности с выделенным в 1999 кластером № 5.

Итак, и в политических установках провинциального населения мы наблюдаем существенную радикализацию на пике кризиса и значительную однородность установок, едва только ситуация в стране начала стабилизироваться.

Это особенно наглядно подтверждается динамикой отношения провинциального населения к реформам центральной власти (ассоциируемой в сознании людей с правительством страны). Умеренный оптимизм в отношении оценок направленности экономических, социальных и политических реформ в начале 90-х годов компенсировался столь же умеренным пессимизмом: примерно треть населения в том и другом случае связывали проводимые реформы с надеждами на лучшую жизнь, либо с опасениями её ухудшения. Но со временем, по мере развития кризиса, доля пессимистов неуклонно возрастала при столь же быстром и неуклонном уменьшении доли оптимистов (см. рис. 5). Эта «вилка» мировоззренческого противостояния реформам достигла критических значений к концу 1999 года, когда в провинции почти не осталось людей, которые бы поддерживали реформы федерального правительства. Всероссийский опрос 1999 показал, что реформы продолжают поддерживать менее 3% населения провинции. При этом число пессимистически настроенных людей в обществе превысило число не определившихся в своих оценках. Их доля превысила 50%.

Ситуация стала быстро и стабильно улучшаться только начиная с 2000 г., а к концу 2001 – началу 2002 достигла состояния, соответствующего периоду 1996 – первой половине 1998.

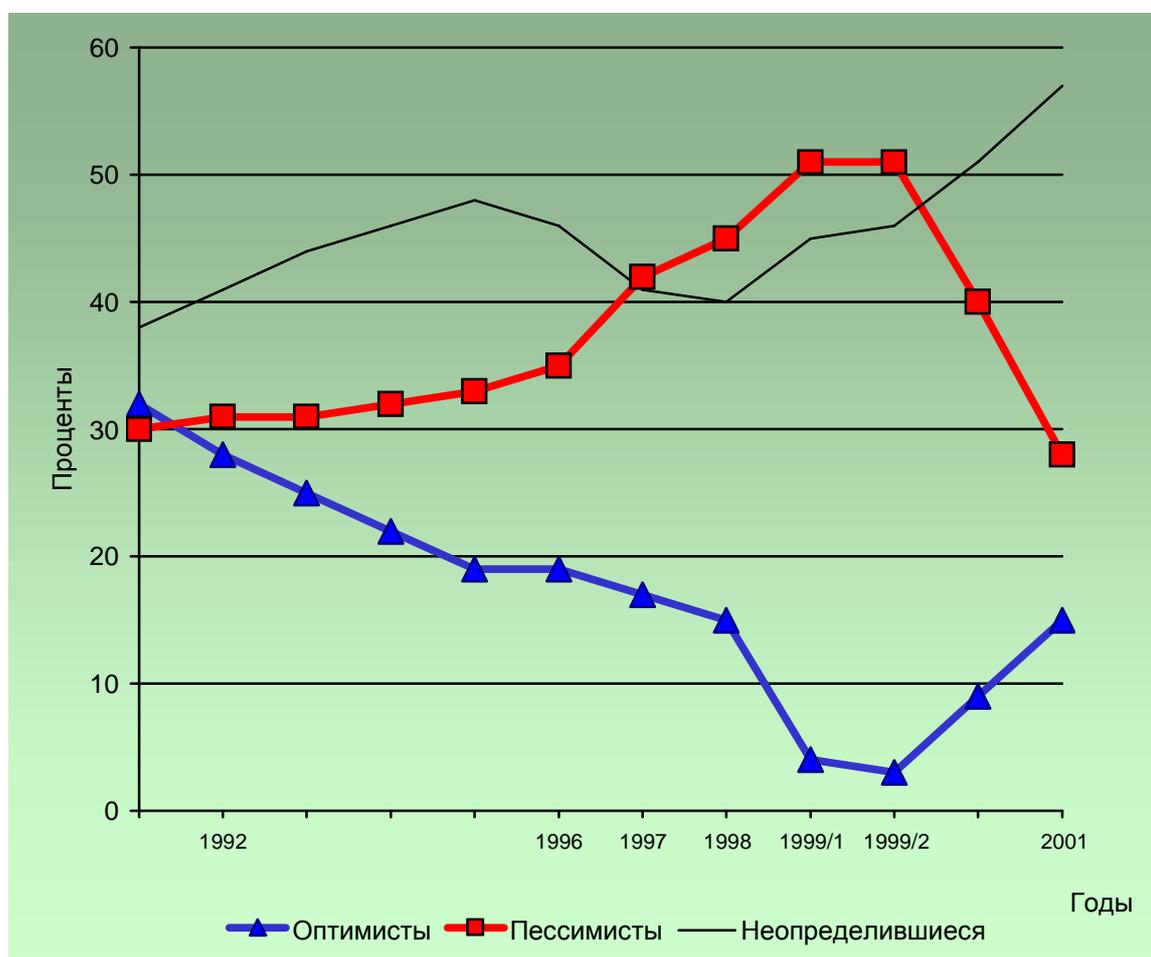

Рис. 5. Динамика отношения населения «провинциальной» России к реформаторской деятельности правительства. Взаимное соотношение трёх типов ответов респондентов (сумма всех ответов 100%) по годам опроса. На оси абсцисс отмечены только те годы, в которые мы проводили свои опросы. Остальные данные являются усреднёнными значениями, взятыми из нескольких других источников; точки за 2000 г. экстраполированы сглаживанием.

Выводы

В социально-экономических установках населения произошли изменения, свидетельствующие о возросшей поляризации провинциального городского общества. Предпочтения, отдававшиеся частью населения либеральным рыночным установкам к концу 90-х годов, стали утрачиваться и их значение в «провинциальном» обществе падает. К настоящему времени надо ожидать элиминацию либеральных установок в массе населения.

Соответственно, находят всё более широкую поддержку «социалистические» экономические установки, связанные с представлениями о необходимости государственного регулирования и контроля экономики для обеспечения целей позитивного социального развития страны.

На этом фоне сокращается число людей, всё ещё не определившихся в своих экономических установках и ожидающих, что любые экономические меры могут способствовать позитивному развитию. В провинциальном городском обществе почти не осталось людей, сохраняющих ожидания неопределённой пользы от реформ любого рода.

К 2002 г. сложилась и новая для провинциального общества социально-экономическая позиция: пессимизм в отношении необходимости и позитивной направленности любых экономических реформ.

В социально-политических установках населения – во взглядах людей на значение и роль государства и/или народа в обеспечении стабильности и процветания страны – при новом политическом руководстве также произошли сдвиги вполне определённой направленности.

В провинциальной среде оформилась группа пессимистически настроенных людей, не верящих в действенность любых сил, способных исправить положение дел в стране. Такие установки не были зафиксированы ещё в 1999 г. Это может свидетельствовать о тревожной тенденции нарастания усталости в обществе и достижения «точки кристаллизации» пессимистических умонастроений.

Однако при этом потеряли своё значение социально опасные «анархистские» политические установки, имевшие место в 1999 г., когда немалое число людей ещё продолжали считать, что народная активность, выражающаяся в стихии и бунте, способна быть фактором организации и обустройства российского общества.

В последние годы стали более консолидированными установки «государственников» – людей, признающих важную позитивную роль центральной власти в политическом развитии страны. Такие установки разделяют теперь 2/3 населения малых городов России.

Столь же определенные сдвиги в общественном сознании, позитивные по отношению к сильной федеральной власти и возрастанию значения государства в общественной жизни, произошли и при оценке людьми направленности реформ. Нараставшее в «провинциальном» обществе в течение всего десятилетия 90-х годов негативное отношение к политическим, социальным и экономическим реформам, достигло критической точки к концу 1999 г., когда практически всё население переместилось в лагерь либо противников реформ, либо не определившихся в оценке значения их для будущего страны. За два последующих года произошли существенные позитивные сдвиги, свидетельствующие о том, что население восприняло новый вектор политического и социально-экономического развития страны, предложенный новым политическим руководством.

Благодарности

Финансовую поддержку исследованию в 1999 г. оказали Московский общественный научный фонд при поддержке Фонда Форда (грант № SP-99-1-14), Российский гуманитарный научный фонд (грант № 99-06-18013е), Президиум Сибирского отделения Российской академии наук.

Финансовую поддержку исследованию в 2001-2002 гг. оказали Российский гуманитарный научный фонд (грант № 01-06-18010е), Российский фонд фундаментальных исследований (грант № 00-06-80178), Президиум Сибирского отделения Российской академии наук. Важная частная поддержка исследований была оказана К.Н. Курановым.

Я благодарен моим коллегам, помогавшим мне в сборе и обработке полевых материалов. Особенно я признателен за помощь В.М. Плюснину, вместе со мной принимавшему участие во всех экспедициях.

Плюснин Юрий Михайлович.

Россия, Новосибирск

Объединённый институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук, лаборатория анализа развития науки.

Главный научный сотрудник, и.о. зав.лаб.

Доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор.

Социология (общая социология и социология науки); социальная психология и поведение человека; философия естествознания (философия социальной биологии).

Plusnin@hum.sbras.ru, jgo@ngs.ru 3832-391840 (дом.); 3832-324558 (сл.).